

А. Ю. Саломатин

**ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ОБОБЩЕНИЙ И КОМПАРАТИВИЗАЦИИ
В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ КОНФЕРЕНЦИИ
РОССИЙСКОГО ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА)**

24–25 мая 2010 г. в Москве на базе юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция российского историко-правового общества. С докладом о практическом использовании историко-правовых знаний в экспертной работе на примере судебного дела о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце в 2006–2010 гг. выступил д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права МГУ им. М. В. Ломоносова **В. А. Томсинов**. С пленарными докладами выступили также д.ю.н., профессор **Р. С. Мулукаев** («Преступления гитлеровских захватчиков на территории СССР и их правовая оценка»); д.и.н., профессор **Б. Н. Ковалев** («Русские коллаборационисты: преступление и наказание»); д.ю.н., профессор **Л. Е. Лаптева** («Эпоха великих реформ и эволюция правосознания в России»); д.ю.н., профессор **А. С. Смыкалин** («Юридическое образование в СССР в годы Великой Отечественной войны»). Тема выступления д.ю.н., профессора **В. Г. Графского** была связана с содержанием дисциплины «философия права» и ее взаимоотношением с теорией государства и права.

Состоявшаяся конференция, собравшая многих специалистов в области государства и права, дала мощный интеллектуальный заряд ее участникам. Вместе с тем она наводит на определенные размышления, побуждает высказаться о перспективных направлениях научной работы. Думается, пришло время для более тесной координации специалистов в области отечественной и зарубежной истории государства и права. В связи с этим целесообразным представляется следующее: во-первых, нуждается в продвижении в российскую историко-правовую науку теория модернизации; во-вторых, необходимо расширить использование историками, изучающими государство и право, сравнительного метода.

Теория модернизации привлекает своей междисциплинарностью и интеллектуальной гибкостью. Выдвинутая впервые в 1960-е гг. как жесткое идеологическое «наставление» развивающихся стран Азии и Африки по демократизации, с 1980-х гг. она реалистически допускает неодинаковые модернизационные траектории для разных стран. Наряду с модернизацией разрабатывается вопрос о постмодернизации. Однако эти изыскания, к сожалению, не коснулись юридических наук. Не представлены они и в учебниках. Между тем анализ модернизационных процессов дает возможность комплексно оценить динамику государственно-правового развития с учетом важнейших факторов – социально-экономических, политических, демографических, природно-климатических, этнопсихологических и т.д.

Мы полагаем, что в ходе **модернизации государства** реализовывались следующие закономерности:

1. Повышение политической ответственности государства в ходе его конституционализации.
2. Возрастание организационной эффективности государства в результате введения механизма разделения властей и профессионализации государственной службы.
3. Резкое расширение избирательного права вплоть до всеобщего.
4. Кристаллизация массовых политических партий.
5. Освобождение общественного мнения от жестокого государственного контроля благодаря ликвидации властного давления на печать (в том числе и цензуры).

В сфере права модернизация носила более постепенный, инерционный характер, что было связано с консерватизмом данной сферы общественной жизни. Ее основными чертами являлись:

1. Конституционализация права, т.е. приоритетное развитие его на основе уважения прав человека и создание системы разделения властей.
2. Объявление и дифференциация права в результате смены модели экономического развития.
3. Гуманизация уголовной политики и рационализация исполнения наказаний.
4. Оптимизация судебной системы и судопроизводства, т.е. освобождение его от сословного корпоративизма и конкурирующей компетенции.
5. Профессионализация юридической науки и образования.

Выделение рубежа между современным и традиционным обществом (а он, по нашему мнению, приходится на конец XVIII в.) обогащает наши представления о цивилизации и ее модернизационных моделях различных стран. В частности, очевидно, что Великобритания и Франция стали пионерами модернизации, причем первая страна преуспела в модернизации экономики, став лидером промышленного переворота, а вторая показала пример глубокой трансформации государственно-правовой сферы. Возможно, кому-то спорным покажется причисление США к первопроходцам модернизации. Было ли что преобразовывать молодому государству, начинавшему все «с чистого листа» по другую сторону Атлантического океана? Однако заметим, что уже само создание федеративного государства с последовательным (классическим) разделением властей и системой сдержек и противовесов было актом новаторства. В то же время выработанная отцами-основателями в конце XVIII в. модель государственного устройства не осталась без изменений: она адаптировалась к быстро изменяющимся условиям пионерского общества.

В США сложились наиболее благоприятные условия для модернизации, т.е. более благоприятные, чем в других странах: Канаде, Австралии, государствах Латинской Америки. В то же время и на Европейском континенте модернизационные возможности были не одинаковые. Кроме стран-первопроходцев (Англии, Франции), где модернизационный старт относится к концу XVIII в., процесс обновления после 1815 г. начинается в Германии, примерно в середине XIX в. в Испании и Италии. Если траекторию государственной модернизации в Англии можно охарактеризовать как **эволюционно-поступательную** (наблюдался медленный прогресс государственных институтов, без революции), а во Франции как **волнообразно-поступательную** (прогрессивное развитие выражалось в смене революций консервативными спадами), то в Германии она была **форсированно-объединительной** (модер-

низация началась в условиях разделения германских земель и способствовала форсированному объединению). Значительно менее благоприятными были условия модернизации в Италии и Испании. В первом случае население имело дело с **зависимо-объединительной** (т.е. модернизация здесь не смогла начаться в условиях разъединенного государства), а во втором случае – с **волнообразно-стагнирующей модернизацией** (иными словами, восхождение очередной революционно-модернизационной волны сменялось контрреволюционным поражением и стагнацией ввиду исключительной неподготовленности населения к новым ценностям). Применительно к царской России, скорее всего, правильнее говорить о **пространственно-сдерживающей модернизации**, т.е. пространство государства континентальных размеров выступало сдерживающим фактором. В этом случае интересно сравнить Россию с США, с ее **динамично-переселенческой модернизацией**. Иными словами, в специфических условиях США гигантские неосвоенные территории не столько задерживали общественное развитие, сколько провоцировали его ускорение. В Азии (в соседних Японии и Китае) модернизационные преобразования начинались в разное время, имели неодинаковую мотивацию и несхожие последствия. Японская элита самым тщательным образом применила **инициативно-подражательную модернизационную политику** (известны многочисленные делегации, объездившие западные страны с целью как можно более точно перенять технологические достижения). В Китае, долгое время откладывавшем какие-либо преобразования на западный манер, в полной мере модернизационные шлюзы открыла только Синьхайская революция 1911–1913 гг., т.е. здесь модернизация была **вынужденно-подражательной**.

Приведенные дефиниции носят, разумеется, во многом предварительный характер. Их еще следует обсуждать и уточнять. Но, как нам представляется, выявление моделей (или, по крайней мере, особенностей) модернизации – это перспективное направление, способное решать и задачи практической политики. **Идеология многовариантности в юридических и политических исследованиях учит нас уважительно относиться как к собственному, так и к чужому опыту развития.**

Другой резерв для совершенствования историко-правовой науки связан с применением **сравнительного метода**. Уже материал о древневосточных обществах дает прекрасную возможность для сопоставления. Если взять путь развития государства в Древней Месопотамии как агломерацию городов-государств за некий стандарт, то мы сразу увидим, что в Египте, Индии, Китае были свои «отклонения» от этого стандарта. В Египте, например, была достигнута **феноменальная жесткость восточной деспотии**, о чем свидетельствуют гигантские пирамиды. В Китае добились становления **рациональной бюрократической империи**, в Индии **варново-кастовый характер государственности** препятствовал объединению Индостанского полуострова. Несколько проще с эпохой Античности. **Специфика Древней Греции и Древнего Рима** выявлялась многими авторами. Тем не менее, целесообразно обратиться к сопоставлению римского полиса с другими полисами Аппенинского полуострова и полисами Балканской Греции, проанализировать в сравнении Древнеримскую империю с современными ей империями древности. Особняком стоит проблема сравнительного описания **византийской государственности**. В чем ее организация отличалась от Древнеримской империи эпохи доминанта или от средневековых западноевропейских государств? Ви-

занятия российскому человеку особенно интересна ввиду ее генетической близости славянским государствам.

Абсолютизм – еще один перспективный проблемно-хронологический срез для сопоставления. Удивительна по богатству содержащихся в ней идей книга П. Андерсона «Родословная абсолютистского государства» (М., 2010), но и ее можно в чем-то дополнить и взглянуть на период XVI–XVIII вв. как на время проявления **модернизационных импульсов** – предпосылок модернизации. Скажем, **возникший в коммерциализировавшемся обществе** английский абсолютизм оказался слаб в противостоянии с этим обществом, освободил путь к динамичному развитию английской нации. **Организационно рыхлый абсолютизм австрийских Габсбургов** так и не смог преодолеть эту рыхлость, хотя сами Габсбурги демонстрируют удивительное династическое долгожительство (с конца XIII в. до 1918 г.). При этом австро-германский абсолютизм своей «укорененностью» в мультикультурном «лоскутном» социуме проявил себя как тормозящая прогресс сила. **Испанский абсолютизм**, более этнически монолитный, но тем не менее так же **организационно рыхлый**, не просто законсервировал развитие, а **сыграл реакционную роль, в том числе и в провоцировании гражданских войн в XIX в.**, с чем не сталкивалась ни одна европейская страна. Абсолютистские государства **раздробленной Германии и Италии** были не похожи друг на друга в своем социально-политическом лице, и здесь они не всегда блокировали интеграционные процессы. Считают, что наиболее неблагоприятную роль сыграл **французский абсолютизм**, спровоцировавший одну из наиболее мощных революций. Но в то же время, парадокс заключается в том, что он не был самым отсталым в Европе. Словом, **банк сопоставлений обширен и этот метод весьма продуктивен, берем ли мы парное или многочисленное сопоставление.**

Я нарисовал лишь несколько возможных сюжетов для изучения и обсуждения в академической среде и студенческой аудитории. Возможно, коллеги в чем-то дополнят и поправят меня и на следующих научных встречах у нас будет возможность развернуть обширные дискуссии в свете назревающего обновления юридического образования и науки. Не исключено, что подобное обсуждение смог бы организовать и Центр сравнительной правовой политики Пензенского государственного университета.

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
и основ права, руководитель Центра
сравнительно-правовой политики,
Пензенский государственный
университет, действительный член
Академии политической науки

E-mail: valeriya-zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yuryevich

Doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of political science
and law foundations, director of the Center
of comparative legal policy, Penza State
University, full member of the Academy
of political science